

НИ СВЕТ.
НИ ТЬМА.
НИКОМУ
НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ.

ОНА - СЛЕПОЕ ПЯТНО,
КОТОРОГО ОНИ НЕ МОГУТ НАЙТИ.

Я НЕ ВАША

РОМАН

ANIMÆ INDOMITÆ

Tertia Natura.

Neque Lucis.
Neque Tenebrarum.
Sed Sua.

De animæ indomitæ
liber primus
De illis qui extra ordinem
existent.

BRABOIS

NANCY

18+

МАРИ ЛЮБРОН

МАРИ ЛЮБРОН

Я не ваша

«Автор»

2026

ЛЮБРОН М.

Я не ваша / М. ЛЮБРОН — «Автор», 2026

В сорок лет Анна точно знает: распоряжаться её жизнью не будет никто. Даже если за ней явятся Свет и Тьма. После обычной операции странный сон становится слишком реальным. Два незнакомца знают её имя, появляются там, где их не ждут, и явно не собираются принимать отказ. Габриэль — безупречный, внимательный, умеющий окружить заботой, которой так легко уступить. Люциан — насмешливый, опасный, пробуждающий желания, в которых Анна боится признаться даже себе. Один предлагает защиту. Другой испытывает её смелость. Оба привыкли получать своё. В поисках ответов Анна погружается в старые архивы Нанси и находит след женщины, которая триста лет назад тоже отказалась выбирать между Светом и Тьмой. О её судьбе оба мужчины предпочитают умалчивать. Анна намерена выяснить правду. Но сохранить независимость становится гораздо труднее, когда к страху и подозрениям примешивается влечение. Особенно если её тянет к обоим.

© ЛЮБРОН М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

МАРИ ЛЮБРОН

Я не ваша

Мари Люброн

Я не ваша

Роман

Глава 1

Ремень дорожной сумки врезался в плечо. Анна поправила его, перехватила вторую сумку поудобнее и крепче сжала ручки озябшими пальцами, стараясь унять мелкую дрожь.

На трамвайной остановке было ветрено. Рельсы гудели от приближающегося вагона, а она смотрела на своё отражение в стекле павильона. Бледное лицо, плотно сжатые губы, шарф, кое-как заправленный под воротник. Сегодня даже привычное ощущение собственной непохожести на других куда-то отступило.

Оно сопровождало Анну столько, сколько она себя помнила. Будто между ней и остальным миром стояла прозрачная перегородка: она видела всё то же, что и окружающие, но чувствовала немного иначе. Ей необъяснимо везло там, где, казалось, уже нечего было ловить. Из самых нелепых переделок она умудрялась выходить сухой из воды. А некоторые сны запоминались так отчётливо, что потом, столкнувшись с похожей ситуацией наяву, она замирала: это уже было.

Иногда Анна одёргивала себя: «Прекрати. Ты просто слишком много о себе думаешь. Обычная ты женщина».

Сейчас — совершенно обычная. Испуганная, замёрзшая и злая на себя за этот страх.

Она ехала на плановую госпитализацию. Завтра утром ей должны были удалить желчный пузырь.

Лапароскопия. Знакомое слово, которое за последние недели она слышала столько раз, что оно почти перестало что-либо значить. Хирург объяснил, как пройдёт операция. Анна всё поняла, задала вопросы, кивнула. Умом она и сейчас понимала: врачи знают, что делают.

Но от мысли, что завтра её усыпят, под ложечкой холодело.

Трамвай остановился, и она вместе с остальными пассажирами шагнула к открывшимся дверям.

До конечной на плато Брабуа Анна ехала молча, придерживая сумки коленями. За стеклом проплывали улицы, мокрые деревья, люди с зонтами. У них были свои дела на вечер. Магазины, ужин, разговоры дома. Она поймала себя на зависти к этой обыкновенной жизни и отвернулась от окна.

Госпиталь встретил её массивным серым фасадом.

Раздвижные двери разошлись, впуская в просторный холл. Здесь пахло кофе из автоматов, дезинфицирующим средством и влажной одеждой. Мимо торопились сотрудники, санитар катил пустую каталку, возле стойки несколько человек пытались разобраться, куда им идти.

Анна нашла нужный указатель и направилась к лифтам.

Когда металлические двери закрылись, шум остался снаружи. Кабина повезла её на седьмой этаж.

Наверху было значительно тише. На посту проверили её фамилию и проводили в небольшую комнату ожидания. Вскоре туда вошла медсестра с папкой.

Они заполнили бумаги, уточнили сведения, которые Анна уже сообщала на предварительных приёмах. Медсестра говорила спокойно, при необходимости повторяла вопрос, не раздражаясь и не торопя.

Потом закрепила манжету на плече. Та зашуршала, стягивая руку.

— Давление хорошее.

Анна кивнула и послушно повернула другую руку для забора крови. Укол, две пробирки, пластырь на сгибе локтя. Всё было настолько буднично, что страх немного ослаб. Для неё происходящее было событием, от которого хотелось сбежать. Для этих людей — привычной работой.

Через несколько минут медсестра заглянула снова:

— Ваша палата готова. Пойдёмте.

Анна подхватила сумки и пошла за ней по коридору.

Палата оказалась небольшой. Высокая регулируемая кровать, пульт на витом шнуре, тумбочка на колёсиках, лампа у изголовья. Над кроватью — панель с разъёмами и медицинским оборудованием. Всё чистое, аккуратное, непривычно чужое.

Когда медсестра ушла, Анна поставила вещи и подошла к окну.

Внизу виднелись вход в госпиталь и остановка. К платформе подкатил очередной трамвай. Из него вышли люди, с высоты казавшиеся совсем маленькими. Кто-то задержался под навесом, кто-то сразу поспешил к дверям. Ещё недавно она сама стояла там с сумками, а теперь смотрела на улицу через толстое стекло и чувствовала себя отрезанной от неё.

За деревьями постепенно загорались огни.

Анна отошла от окна и занялась вещами. Поставила на тумбочку воду, положила телефон, зарядку и влажные салфетки. Проверила, дотягивается ли провод до розетки. Эти мелочи успокаивали: хотя бы здесь всё зависело от неё.

Вечер тянулся долго.

Она приняла душ со средством, которое выдали в отделении, тщательно смыла пену и вытерлась жёстким полотенцем. От кожи ещё некоторое время пахло антисептиком. Вернувшись в палату, переоделась и снова посмотрела на телефон.

До полуночи оставалось меньше часа. По полученным инструкциям после этого ей уже нельзя было ни есть, ни пить.

Анна сделала несколько последних глотков воды, закрыла бутылку и отодвинула её подальше.

Близким написала коротко: устроилась, всё в порядке, завтра сообщит, как прошло. Несколько секунд смотрела на отправленное сообщение. Потом погасила экран.

Верхний свет она выключила, оставив лампу у изголовья, и легла под одеяло.

В коридоре негромко разговаривали, иногда открывались и закрывались двери. За окном трамваи ходили всё реже. Анна лежала на спине, прислушивалась к незнакомым звукам и пыталась не считать часы до утра.

Заснула она не сразу.

Утром её разбудили вошедшие медсёстры.

Снова вопросы о подготовке к операции, снова инструкции. Когда в очередной раз уточнили, выполнила ли она всё, что касалось подготовки кожи, Анна невольно напряглась. Дома перед поездкой она едва ли не по десять раз сверялась с памяткой. Неужели всё-таки что-то пропустила?

Однако замечаний не последовало. Ей выдали средство для утреннего душа, объяснили, что делать дальше, и оставили переодеваться.

Анна вымылась, вытерлась и надела больничную рубашку.

Теперь оставалось ждать.

Она походила по палате, остановилась у окна, вернулась к кровати. Взяла телефон, прочла несколько сообщений и отложила: отвечать не хотелось. Неожиданно навалилась сонливость. Тяжёлая, липкая, почти непреодолимая.

Анна прилегла поверх одеяла.

Ей казалось, что она закрывает глаза на минуту, но, взглянув на часы, обнаруживала, что прошло пять. Потом десять. Она снова проваливалась в дрему и выныривала из неё, не успевая понять, спала ли по-настоящему.

Так миновало около двух часов.

Наконец пришёл санитар и сообщил, что пора ехать.

Анна отложила телефон. Именно сейчас страх должен был вернуться — сильнее вчерашнего. Сейчас уже нельзя было отвлечься на сумки, душ или переписку.

Но ничего не произошло.

Внутри было спокойно. До странности спокойно. Она посмотрела на свои руки: пальцы больше не дрожали.

Её повезли в предоперационный зал ожидания. Там уже стояли кровати с другими пациентами. Кто-то лежал с закрытыми глазами, мужчина неподалёку неподвижно смотрел в потолок. Сотрудники переговаривались, сверяли документы, подходили то к одной кровати, то к другой.

Анна снова задремала.

На этот раз ей снилось, что она с кем-то беседует. Собеседника не было видно, но его ответы казались знакомыми — словно она знала их всегда и только сейчас смогла вспомнить.

Постепенно пришло понимание: она разговаривает сама с собой.

Задаёт вопрос — и сама же отвечает. Чётко, без запинки, не тратя времени на размышление. Во сне это не удивляло. Удивительным было другое: стоило на мгновение открыть глаза, как смысл разговора ускользал. Оставалась уверенность, что только что она поняла нечто важное.

Анна посмотрела на белый потолок, попыталась удержать хотя бы одну фразу и не смогла.

Рядом прошли люди в хирургических костюмах. Одну из кроватей увезли. Позже другой пациент поднялся и пошёл вместе с медсестрой.

Ожидание продолжалось больше часа.

— Анна?

Она открыла глаза.

— Сможете пройти сами?

— Да, вполне.

Она села, обулась и встала. Голова не кружилась. Ноги слушались. Это необъяснимое спокойствие тоже никуда не делось.

Операционное крыло оказалось огромным. Коридоры, двери, застеклённые проёмы, мониторы. Анна шла следом за сотрудницей и понимала, что самостоятельно обратную дорогу уже не найдёт.

Перед одной из дверей они остановились.

Внутри, под большими бестеневыми лампами, стоял узкий операционный стол.

Её снова попросили назвать фамилию, имя и дату рождения. Уточнили, какую операцию ей предстоит перенести. За последние сутки одни и те же вопросы повторялись столько раз, что ответы она произносила почти автоматически.

— Анестезиолог сейчас подойдёт, — предупредила медсестра. — Немного задерживается.

Анна кивнула и легла на стол.

Вокруг сразу началось движение. Ей установили катетер, подключили капельницу, закрепили датчики. На палец надели небольшой зажим. Она смотрела вверх, стараясь не мешать, и чувствовала прикосновения чужих рук — быстрые, уверенные, привычные.

Пришёл анестезиолог. Представился, коротко объяснил, что сейчас будет происходить.

К лицу поднесли маску.

— Дышите спокойно. Глубокий вдох.

Анна вдохнула. Ещё раз.

Мелькнула мысль, что нужно запомнить этот момент — последнюю секунду перед тем, как она уснёт.

Но привычного провала в сон не было.

Её словно потянуло вниз, хотя стол оставался под спиной. Звуки отдалились. Маска, лампы, голоса — всё исчезло прежде, чем она успела испугаться.

Вокруг стало светло.

Анна не понимала, где находится. Ни стен, ни потолка, ни различного источника света. Она попыталась оглядеться и увидела перед собой женщину.

Себя.

Та стояла напротив и смотрела на неё так, словно ждала продолжения прерванного разговора.

Анна заговорила.

Позже она не смогла бы вспомнить, о чём спрашивала. Но здесь вопросы складывались легко, а ответы приходили сразу. Её двойник говорил о вещах, которых она не знала, не могла знать, — и всё же каждое слово казалось точным. Не возникало желания возразить или попросить объяснить иначе.

Это уже происходило с ней в предоперационном зале. Только теперь между ними не было той сонной пелены.

Анна хотела спросить ещё что-то, но лицо напротив потеряло чёткость.

Женщина исчезла.

На её месте проступили два силуэта.

Один — тёмный, плотный, будто свет обтекал его, не проникая внутрь. Другой — настолько яркий, что разглядеть очертания было трудно.

Анна смотрела на них без страха. Она не понимала почему. Там, на остановке, мысль об обычной операции заставляла её дрожать. Здесь же она стояла перед чем-то совершенно невозможным и спокойно ждала.

Тёмный силуэт приблизился.

— Ты веришь во тьму?

Низкий голос прозвучал отчётливо. В нём слышалась насмешка, но вопрос был задан всерьёз.

— Нет, — ответила Анна.

Вперёд подался второй.

— Ты веришь во Всевышнего? В Бога?

Она не стала подбирать правильный ответ.

— В Бога я не верю.

Оба замерли.

Молчание затянулось. Анна перевела взгляд с одного на другого. Ей показалось, что теперь они смотрят на неё иначе — внимательнее, словно только что заметили нечто, чего здесь не должно было быть.

Затем один из них заговорил, обращаясь уже не к ней:

— Она не определена. Значит, мы не можем её забрать. Она не принадлежит ни вам, ни нам.

Забрать?

Анна не успела задать вопрос.

Что-то толкнуло её изнутри, свет исчез, и она открыла глаза.

Над кроватью стояла медсестра. Неподальёку попискивал монитор. Женщина нажала несколько кнопок, заметила, что Анна проснулась, и наклонилась к ней.

— Как вы себя чувствуете?

Анна попробовала ответить, но горло саднило. Она сглотнула и слабо кивнула.

Снова больница. Всё закончилось.

Несколько секунд она лежала неподвижно, собирая ощущения. Тянуло живот. Во рту пересохло. Простыня касалась ног. Эти простые, понятные вещи помогали поверить, что она вернулась.

Анна осторожно приподняла край простыни.

На животе белели четыре повязки.

Она посмотрела на них, опустила ткань и огляделась. Большой зал пробуждения, ряды кроватей, сотрудники, переходившие от пациента к пациенту. Кто-то ещё спал. Кто-то, как и она, растерянно осматривался.

Двух силуэтов нигде не было.

Когда медсестра подошла снова, Анна едва не спросила, долго ли длилась операция. Хотелось спросить и другое: не происходило ли с ней чего-нибудь необычного? Но слова не складывались. Она снова прикрыла глаза.

Позже её отвезли на седьмой этаж.

В палате она почти сразу задремала — и опять оказалась посреди разговора с самой собой. На этот раз собственного лица не видела, только слышала ответы. Просыпаясь, пыталась вспомнить их и всякий раз теряла.

День прошёл обрывками.

Врач осматривал живот. Медсестра проверяла повязки и капельницу. За окном постепенно темнело. Анна то просыпалась, то снова засыпала, не всегда понимая, сколько времени прошло.

Спокойствие не отпускало.

Сначала она была ему рада. Потом оно начало настораживать. После всего, что привиделось под наркозом, ей полагалось хотя бы тревожиться. Но даже при воспоминании о словах «не можем её забрать» внутри ничего не сжималось.

Почему ей так спокойно?

Ночью сон и явь окончательно перепутались.

Анне снилось, будто медсестра зашла в палату, села рядом и долго с ней разговаривала. Беседа была свободной, лёгкой — без необходимости вслушиваться, подбирать слова или переспрашивать.

Только проснувшись, Анна поняла, что именно в этом сне было странным.

Медсестра говорила с ней по-французски. Здесь, в больнице, Анне приходилось сосредотачиваться, чтобы ничего не пропустить. Во сне этой необходимости не было. Она понимала собеседницу сразу, будто смысл доходил до неё раньше слов.

К утру она уже не могла сказать наверняка, какие из ночных посещений были настоящими.

На следующее утро после операции, около восьми, дверь открылась. Вошли хирург и дневная медсестра.

— Доброе утро, Анна. Как прошла ночь?

— Терпимо. Тянет только.

Голос звучал хриловато. Анна осторожно положила ладонь на живот.

— Давайте посмотрим.

Врач осмотрел её, задал несколько вопросов. Она отвечала, следила за выражением его лица и ждала, не упомянет ли он сам что-нибудь необычное во время операции.

Но хирург был доволен.

— Всё прошло хорошо. Дренаж не понадобился. Если к полудню будете нормально вставать и не появится тошнота, сможете поехать домой.

Анна посмотрела на окно.

Домой. Вчера это слово показалось бы ей лучшим на свете. Сейчас она просто кивнула.

До полудня оставалось несколько часов. Она понемногу пила воду, вставала, осторожно ходила по палате. Живот побаливал при движении, но тошноты не было. Взяв телефон, Анна наконец написала близким, что операция позади и сегодня её собираются отпустить домой.

Позже медсестра сняла катетер, проверила повязки и принесла документы на выписку. Объяснила, как принимать назначенные лекарства и ухаживать за местами проколов.

— Тяжести не поднимайте, резких движений избегайте. И через десять дней покажитесь своему врачу. Рекомендации здесь. — Она указала на лист в папке. — Берегите себя, Анна.

Анна поблагодарила её и начала собираться.

Одевалась медленно, прислушиваясь к тянущей боли. Застегнула свободные брюки, накинула верхнюю одежду, проверила, не остались ли в розетке зарядка и провод. Бумаги убрала в маленькую сумку. Поднимая вещи, старалась не делать резких движений.

В коридоре всё шло своим чередом. Кто-то ждал у поста, из соседней палаты вышла женщина с пластиковым стаканчиком. Анна дошла до лифта, нажала кнопку и ещё раз посмотрела на двери отделения.

Внизу её встретил знакомый шум холла.

Она вышла наружу. Прохладный ветер коснулся лица, забрался под шарф. Анна осторожно вдохнула, прошла к остановке и с облегчением опустилась на скамейку под навесом, поставив сумки рядом.

Теперь можно было просто посидеть.

Она посмотрела на табло, затем на людей возле платформы.

И в этот момент свет дрогнул.

Анна моргнула.

На долю секунды всё слева от неё будто потускнело, подёрнулось пепельной серостью. Справа, наоборот, вспыхнуло белым — так резко, что пришлось прищуриться.

Потом зрение прояснилось.

На противоположной стороне путей, за стеклом павильона, стоял человек в длинном тёмном пальто.

Лица она не различала. Но он не смотрел на дорогу и не проверял время.

Он смотрел на неё.

Анна невольно повернула голову.

Метрах в десяти правее, возле входа в госпиталь, стояла ещё одна фигура — в светлой куртке. Неподвижная среди людей, проходивших через раздвижные двери.

Анна перевела взгляд с одного на другого.

Оба оставались на месте. Прохожие огибали их, никто не задевал плечом, не останавливался рядом. Возможно, в этом не было ничего странного. Два человека чего-то ждали возле больницы.

Но пальцы Анны уже сжали ручку сумки.

По рельсам прошла вибрация. Подъехавший трамвай закрыл фигуру в тёмном пальто, и она поспешила встать.

Двери открылись.

Анна вошла в вагон, нашла свободное место и поставила вещи у ног. Только тогда решилась посмотреть в окно.

Платформа начала медленно уходить назад.

Она искала глазами тёмное пальто и светлую куртку, но мешали стекло, отражения, люди под навесом. Госпиталь остался позади прежде, чем она успела убедиться, что оба незнакомца всё ещё там.

Анна отвернулась.

«Она не принадлежит ни вам, ни нам».

Почему из всего, что ей приснилось, именно эти слова она помнила так ясно?

Глава 2

В тот же день, после выписки, Анна добралась домой совершенно без сил. Поднялась к себе, оставила сумки у порога и, придерживая живот, дошла до дивана. Опустилась осторожно, сначала на край, потом откинулась на подушку и закрыла глаза.

Дома. Наконец-то.

Здесь не пахло антисептиком, никто не разговаривал за тонкой дверью палаты и не ходил проверять повязки. Можно было вытянуть ноги, укрыться пледом и уснуть.

Но сон не шёл.

Стоило сомкнуть веки, как перед ней снова возникали те двое. Один — во тьме, другой — в сиянии. Их голоса она помнила отчётливее, чем утренний разговор с хирургом. А теперь к ним добавились две неподвижные фигуры на остановке.

Мало ли кто мог стоять возле госпиталя? Анна повторяла это себе, пытаясь устроиться поудобнее. Незнакомцы не подходили к ней, не заговаривали. Она даже лиц их не разглядела.

И всё же забыть о них не получалось.

Остаток дня прошёл в попытках отдохнуть. Анна разобрала самое необходимое из вещей, положила рядом с лекарствами больничные рекомендации, переоделась. Несколько раз прилегла, но каждый раз поднималась, так и не уснув. В квартире постепенно стемнело, за окнами зажглись фонари. Обычные вечерние звуки доносились со двора, а она всё прислушивалась к тишине у себя за спиной.

К позднему вечеру Анна не выдержала и потянулась за ноутбуком.

Если уж память так настойчиво возвращает её к этому сну, надо хотя бы попробовать понять, что он мог означать.

Она открыла браузер и принялась просматривать эзотерические форумы. Перескакивала с обсуждений необычных состояний под наркозом на рассказы о встречах с сущностями, читала чужие объяснения, хмурилась. Многое казалось притянутым за уши. Люди спорили, уверенно раздавали советы и зачастую противоречили друг другу уже в соседних сообщениях.

Анна потянулась к сенсорной панели, собираясь закрыть очередную вкладку.

Строчки дрогнули.

Она замерла.

В комнате ощутимо похолодало. Не так, как бывает, когда из окна тянет сквозняком: холод коснулся сразу и лица, и рук, проник под одежду.

Текст на экране начал исчезать. Буква за буквой. Анна убрала пальцы с клавиатуры, но строчки продолжали стираться, пока страница не стала белой.

А затем на пустом поле появилось первое слово.

Следом — второе.

«Если ты называешь это энергией, Анна, правила не перестают работать».

Она перестала дышать.

Ниже возникла ещё одна строка:

«Ты сказала “нет” обоим. Но пустых мест у нас не бывает. Мы вернёмся за ответом».

Ноутбук коротко пискнул и погас.

В чёрном экране отразилось её лицо.

— Что за хрень?!

Анна дёрнулась, пытаясь отодвинуть компьютер, и тут же согнулась от боли в животе. Несколько секунд сидела, прижимая ладонь к ткани домашней кофты и часто дыша.

Вирус. Какая-нибудь дрянь на сайте. Всплывающее окно, чужая шутка — что угодно.

Только откуда там взялось её имя?

И почему именно «обоим»?

— Меньше надо по помойкам лазить, — зло пробормотала она. — Начиталась всякой мути на больную голову...

Собственный голос прозвучал неубедительно.

Анна встала, оставила ноутбук и пошла по квартире, включая свет. В комнате, в коридоре, на кухне. Ей нужно было видеть каждый угол, каждую открытую дверь. Темноту она не любила с детства, а сейчас даже узкая тень между шкафом и стеной заставляла отводить глаза.

На кухне Анна налила стакан воды. Посмотрела на часы микроволновки.

23:48.

Неужели уже почти полночь?

Она поднесла стакан к губам.

Лампы погасли с сухим щелчком.

Анна застыла в темноте, не успев ни сделать глоток, ни поставить воду на стол.

В прихожей резко зазвонил домофон.

Стакан выскользнул из пальцев и разбился о плитку.

— Да чтоб тебя...

Она отступила от осколков, нащупала край столешницы. Звонок оборвался, но в наступившей тишине сердце стучало так громко, что Анна не сразу различила шипение из прихожей.

Кто-то ждал ответа.

Она осторожно вышла с кухни и подошла к двери. Посмотрела в глазок.

На освещённой площадке никого не было.

Зато у самого порога белел цветок. Рядом лежала обугленная ветка, от которой поднималась тонкая струйка дыма.

Анна отпрянула.

Открывать она не собиралась. Ни за что.

Домофон снова зашипел. Она посмотрела на трубку, протянула руку и осторожно поднесла её к уху.

— Кто там?

В ответ раздался низкий голос, перемежавшийся сухим потрескиванием:

— Ошиблась адресом, когда говорила, что не наша? Тебе же всегда нравилось заглядывать за край, Анна...

Она узнала его сразу.

Следом прозвучал второй — чистый, холодный, без малейшей помехи:

— Ты носишь чужую метку. Баланс нарушен. Не делай выбор вслепую.

Пластик обжёг ладонь.

Анна вскрикнула и выронила трубку. Та ударилась о стену и повисла на шнуре.

В тот же миг свет вспыхнул снова.

Голоса исчезли.

Она стояла в прихожей, прижимая руку к груди, и смотрела на раскачивающуюся трубку. На кухне блестела разлитая вода, а вокруг неё лежали осколки стакана.

Всё выглядело до обидного обыкновенно.

Анна не стала проверять, остались ли за дверью ветка и цветок. Обошла квартиру, убедилась, что везде горит свет, и добралась до спальни. Забралась на кровать прямо в одежде, подтянула к себе одеяло и села у изголовья, придерживая ноющий живот.

Дверной проём оставался ярко освещённым.

Она не отводила от него глаз.

Сколько так просидела, Анна не знала. Сначала только прислушивалась и ждала нового звонка. Потом заметила, что сжимает край одеяла до боли в пальцах.

Хватит.

Страх никуда не делся, но к нему постепенно примешивалась злость. Сидеть здесь, пялиться в коридор и ждать, пока какая-то дрянь снова заговорит с ней из стены? Прекрасный план. Просто охрененный.

Она не привыкла забиваться под плинтус и надеяться, что её не заметят. Если в её собственном доме творится чёрт знает что, нужны объяснения. Хоть какая-то зацепка.

Анна откинула одеяло и осторожно встала. Проколы на животе отозвались ноющей болью. Она переждала, опираясь на спинку кровати, затем вышла за ноутбуком.

Компьютер лежал там, где она его оставила.

Анна перенесла его в спальню, устроилась у изголовья и нажала кнопку питания.

Экран засветился. Появился привычный логотип, затем рабочий стол.

Никаких угроз. Никаких чужих строчек.

Она несколько секунд смотрела на значки, потом открыла браузер.

На этот раз искала целенаправленно. Сначала то, что происходило ещё до встречи с двумя силуэтами: разговор с самой собой, ответы, которые исчезали из памяти при пробуждении.

«Диалог с самим собой под наркозом в трансе».

«Разговор с собственным двойником, тонкий план».

«Состояние глубокого расщепления сознания, проводники».

Страницы сменяли друг друга. Анна читала о трансовых состояниях, шаманских практиках, погружении в подсознание. Тексты про обязательное покаяние, грехи и дьявольское искушение закрывала сразу: церковные объяснения были ей чужды и сейчас ничего не проясняли.

В других публикациях встречалась мысль, за которую хотелось зацепиться. Их авторы описывали транс как состояние, в котором привычное ощущение тела отступает, а сознание будто продолжает существовать отдельно. Некоторые утверждали, что годами добиваются подобного с помощью медитаций и дыхательных практик.

Анна перечитала абзац.

А если с ней произошло нечто похожее? Если наркоз погрузил в сон тело, но какая-то часть сознания осталась бодрствовать?

В одном из текстов двойника называли Высшим «Я» — памятью души, свободной от человеческих страхов и повседневных ограничений. В другом говорилось о Проводниках: незримых силах, которые помогают пройти границу и не потерять себя.

Она пыталась примерить эти объяснения к тому, что помнила. Собственное лицо напротив. Вопросы. Уверенные ответы. Ни тени сомнения, пока находилась там, и ни одной связной мысли после пробуждения.

Может, тот разговор и был какой-то подготовкой к встрече?

Анна потёрла лоб. Звучало дико. Но не более дико, чем два знакомых голоса из раскалившейся домофонной трубки.

Теперь она перешла к самим силуэтам.

«Сущности светлого и тёмного спектра, астрал».

«Две противоборствующие силы на границе перехода, эзотерика».

«Сущности высшего порядка, отказ от выбора».

Постепенно среди путаных рассуждений стала повторяться одна схема. Свет и Тьму описывали как две древние разумные структуры, два противоположных начала. Привычное разделение на доброго Бога и злого Сатану в этих текстах не работало.

Светлую сущность связывали с абсолютным порядком, контролем и строгой иерархией. Человек подчиняется, отказывается от собственной воли, растворяется в общем потоке. Поклоняется — и тем самым отдаёт свою силу.

Батарейка, подумала Анна. Удобная, послушная батарейка, ещё и благодарная за то, что её используют.

Тёмной сущности приписывали другую природу: хаос, первобытные страсти, эгоизм, разрушение. Там ресурсом становились страх, слабости и боль. Другой способ добраться до человека — с похожим результатом.

По этой схеме две силы тысячелетиями делили души между собой. Люди отдавали себя одной из сторон добровольно или даже не замечали, как оказывались втянуты в чужой порядок.

Анна вспомнила заминку после своих ответов.

«Она не определена».

Если написанное хоть отчасти верно, они ждали от неё чего-то другого. Признания. Согласия. Хотя какого-нибудь ответа, который позволил бы отнести её к одной из сторон.

А она отказала обоим.

Ничья.

Слово неприятно отозвалось внутри. Так говорят о вещи, которую пока никто не успел забрать.

Но она не вещь. И в операционной никого не пыталась обмануть. Ей задали вопросы — она ответила честно. Жила по своей совести, верила в то, что считала близким, и не собиралась искать себе хозяина ни на земле, ни где-либо ещё.

Анна захлопнула ноутбук и положила ладони на крышку.

Руки больше не дрожали.

Пока всё это оставалось чужими толкованиями, найденными за одну бессонную ночь. Но у неё появилась версия: если они не могли забрать её без согласия, то надписи, звонки и угрозы могли быть попыткой этого согласия добиться.

Один напугает. Другой предложит спасение. А она в какой-то момент не выдержит и ответит так, как им нужно.

Анна опустила голову, запустив пальцы в волосы.

Нужно от них избавиться.

Но как?

Первой мыслью было найти живого человека, который в этом разбирается. Не читать бесконечные споры, а поговорить с тем, кто сталкивался с чем-то подобным и сможет объяснить, что делать.

Только с кем?

Анна скривилась.

Современный рынок эзотерики давно вызывал у неё отвращение. Слишком часто за разговорами об энергиях пряталась обычная торговля чужой растерянностью. Расфуфыренные девицы с накладными ресницами вещали в социальных сетях на огромную аудиторию:

«Девочки, если у вас блок энергии, выходите утром в поле, раскиньте руки и кричите: “За всё спасибо, Вселенная!”»

Прекрасно. Осталось выйти во двор и поорать между мусорными баками. Наверняка поможет.

Для Анны за такими советами не стояло ничего, кроме желания собрать просмотры и продать следующий курс. Она представляла работу с тем, чего человек до конца не понимает, совсем иначе: дисциплина, осторожность, знание правил. Не крики в форточку с картой желаний под подушкой.

«Потомственные ведьмы» в десятом поколении доверия тоже не вызывали. Бабки, обещанные иконами, обещали за пару тысяч рублей снять порчу сырым яйцом. Гуру, открывшие третий глаз на двухнедельных курсах, брались решать любые проблемы по фотографии.

Интересно, что сделал бы такой специалист, услышав ночью эти два голоса? Продолжил бы расклад или первым побежал звонить в полицию?

Анна не собиралась платить за ещё одну порцию уверенной чуши.

Ей нужны были источники, которые можно хотя бы сопоставить между собой. Старые книги. Записи людей, живших задолго до соцсетей, платных вебинаров и торговли готовыми ответами. Тексты о защитных контурах, неприкосновенности воли, разрыве ментальных привязок.

Старинная книга тоже могла лгать. Но если подобное происходило раньше, следы следовало искать не только на форумах.

Анна снова открыла ноутбук. Закрывает страницы с обсуждениями и перешла к каталогам библиотек, оцифрованным собраниям и доступным сканам старых изданий.

На этот раз она выписывала названия. Помечала то, что могло пригодиться. Переводила непонятные слова, возвращалась к описаниям фондов.

За окном начало светать.

Спать она уже не могла.

В квартире по-прежнему горели все лампы, но привычного чувства защищённости свет больше не давал. Стоило отвлечься от экрана, как Анне начинало казаться, что кто-то стоит совсем близко.

Слева, из дальнего угла спальни, накатывала тяжёлая волна. Воздух будто густел, в носу щипало от запаха озона и серы. Хотелось резко обернуться: за спиной кто-то был, почти касался затылка дыханием.

Она поворачивалась.

Никого.

Зато справа обдавало холодом. На миг становилось трудно вдохнуть. Возникало ощущение, будто её рассматривают насквозь, видят каждую мысль и ждут, когда она допустит ошибку.

Анна сжала зубы.

Они не являлись посреди комнаты во плоти. Ни рогатых чудовищ, ни крылатых фигур. Но от этого не было легче. Собственный дом превратился в место, где она не могла спокойно повернуть голову.

Один пугал близостью. Другой заставлял чувствовать себя виноватой ещё до того, как она понимала — в чём.

Вот оно. Давление, о котором она только что читала.

Им нужно, чтобы она сорвалась. Попросила. Позвала кого-нибудь из них, лишь бы прекратилось это ожидание.

— Хрен вам, — процедила Анна.

Ногти впились в ладони. Она разжала кулаки и медленно выдохнула.

Оставаться здесь больше не было сил. Просидеть ещё день перед экраном, ожидая новой надписи? Продолжать вздрагивать от каждого звука? Если им ничего не стоило вмешаться в то, что она читала, доверять одной только найденной в интернете информации было глупо.

Нужны были настоящие страницы. Книги, записи, рукописи, которые можно увидеть своими глазами.

Франция хранила столько прошлого, что за ответами не обязательно было ехать на другой конец света. Старые монастыри, алхимики, закрытые общества, судебные дела, конфискованные тексты. Здесь, в Лотарингии, история оставалась не только в камне. Что-то должно было сохраниться и на бумаге.

Анна посмотрела на выписанные названия.

С этого она и начнёт.

Подняться оказалось тяжелее, чем она ожидала. Тело ныло после операции и бессонной ночи, боль в животе возвращалась при каждом неловком движении. Анна постояла, держась за край стола, пока неприятное ощущение немного не ослабло.

Перед выходом она всё-таки убрала осколки на кухне: собрала их совком, вытерла разлитую воду. Оставлять стекло под ногами было нельзя. Обычное дело ненадолго отвлекло её от ожидания нового шороха.

Затем переоделась. Натянула плотный свитер, надела свободное шерстяное пальто, аккуратно обмотала шею шарфом. В небольшую сумку положила необходимое и блокнот с ночными записями.

Перед выходом задержалась у двери.

Посмотрела на домофон.

Трубка висела неровно, наискось. Анна отвернулась, взялась за ручку и открыла замок.

На коврик смотреть не стала. Остались там ветка с цветком или исчезли — сейчас ей было всё равно. Она не собиралась снова останавливаться из-за их знаков.

Закрыла дверь на два оборота и медленно спустилась по лестнице.

Снаружи пахло сыростью. Серые фасады Старого города, мокрая брусчатка, тусклое утреннее солнце за облаками. Кто-то торопился мимо, придерживая у плеча телефон. Из открывшейся двери булочной потянуло тёплым хлебом.

Анна остановилась на секунду, вдыхая холодный воздух.

Ей нужен был архив. Место, где хранятся старые дела, редкие издания и ещё не переведённые латинские тексты. Найти хотя бы одно свидетельство, которое не исчезнет с экрана, когда ей вздумается его прочесть.

Она поправила сумку на плече и шагнула на мостовую.

Ощущение чужого присутствия не исчезло. За спиной по-прежнему то холодело, то чудился запах гари.

Но теперь у неё было куда идти.

Глава 3

Начать Анна решила с Департаментского архива Мёрт и Мозель. Среди названий, выписанных за ночь, он встречался несколько раз: судебные дела, старые церковные документы, бумаги герцогской администрации. Если искать следы людей, столкнувшихся с чем-то похожим, то там.

Она ещё раз сверилась с адресом — улица Жан-Батиста Тьери-Соле, дом 2 — и убрала телефон.

Дорога далась тяжело. Приходилось замедлять шаг, переживая боль в животе, останавливаться там, где хотелось пройти быстрее. После бессонной ночи шум улицы раздражал, от холодного воздуха слезились глаза.

Но хуже всего было ощущение, что её не оставляют ни на секунду.

То за спиной чудился запах гари, то под пальто внезапно забирался ледяной сквозняк, хотя ветер дул в другую сторону. Анна несколько раз заставляла себя за желанием обернуться.

Не оборачивалась.

Дойдя до архива, она на мгновение задержалась у входа. Современное здание, люди, обычный рабочий день. Здесь ей станет легче. Должно стать.

У входа Анна перевела телефон в беззвучный режим.

Внутри было тихо. Анна зарегистрировалась, убрала верхнюю одежду и сумку в ячейку, оставив при себе разрешённые вещи, и прошла в читальный зал. За столами сидели двое пожилых исследователей. Молодой человек неподалёку просматривал снимки старых документов.

Никто не поднял головы при её появлении.

Анна села, достала блокнот и разложила ночные выписки. Теперь предстояло объяснить сотруднику, что именно она ищет, желательно не начиная со слов о голосах из домофона.

— Меня интересуют судебные дела о колдовстве в Лотарингии. Шестнадцатый и семнадцатый века, — сказала она, когда подошла её очередь задать вопрос. — Особенно показания самих обвиняемых. И описания вещей, которые у них находили.

Ей помогли сориентироваться в описях.

Анна знакомилась с перечнями дел, выписывала подходящие обозначения, возвращалась к тем, где упоминались изъятые записи. В голове крутилось имя Николя Реми, встречавшееся в материалах о лотарингских процессах. Но одних известных имён было мало. Ей нужно было найти конкретную историю.

Поначалу всё сливалось в одно: обвинения, допросы, признания, добытые у перепуганных людей. Чужие беды, сжатые до нескольких строк. Анна читала краткие описания и старалась не останавливаться на каждом, хотя порой приходилось отводить глаза.

Её интересовало отклонение от привычного сценария. Человек, который отказался признать над собой власть обеих сторон. Какая-нибудь фраза, похожая на услышанное в операционной.

Прошло около двух часов, прежде чем она наткнулась на дело травницы из предместья Сен-Николя, датированное 1589 годом.

Анна подалась ближе к документу. При разборе почерка она сверялась с прилагавшейся позднейшей расшифровкой: без неё работа заняла бы гораздо больше времени.

Строки давались не сразу. Она сверялась с выписками, разбирала незнакомые обороты, оставляла пробелы там, где не была уверена в слове. Но смысл одного фрагмента проступал достаточно ясно:

«...Обвиняемая не признала власть Сатаны даже под тисками, но и святое распятие оттолкнула, плюнув под ноги канонику. Она утверждала, что стоит на Пути Пустоты — Via

Васуа, где нет власти ни престолов, ни бездны. В её доме изъят символ круга, рассечённого двумя незамкнутыми полумесяцами...»

Анна перечитала последнее предложение.

Затем перевернула страницу блокнота и нарисовала круг. Внутри — два незамкнутых полумесяца, как сумела представить по описанию.

Via Vasua.

Путь Пустоты.

Пальцы похолодели, но она продолжила чтение.

Женщину сожгли.

Анна задержала взгляд на записи о казни. Выходит, отказ ещё ничего не гарантировал. Эта травница тоже говорила, что никому не принадлежит, — и всё равно погибла.

На полях сохранилась приписка на латыни. С ней пришлось повозиться дольше. Анна несколько раз переписала слова, проверила значения и наконец сложила фразу:

«Душа не отдала свидетельства ни Богу, ни Зверю. Знаки запечатаны в книгохранилище герцога».

Она отложила карандаш.

У неё появилась первая настоящая зацепка. Не рассказ неизвестного человека на форуме, а запись, сделанная задолго до её рождения. Конечно, древность бумаги сама по себе ничего не доказывала. Но совпадение было слишком точным, чтобы просто закрыть папку и уйти домой.

Анна ещё раз проверила дату, выписала всё, что могло пригодиться, и вернула документы.

За разгадкой знака она отправилась в Библиотеку Станисласа, на одноимённую улицу.

После архива город показался оглушительно громким. Машины, голоса, стук чужих шагов. Анна остановилась у перехода, придерживая сумку локтем, и посмотрела на свой рисунок.

Два незамкнутых полумесяца внутри круга.

Если этот символ когда-то был понятен людям, должны были существовать и другие его описания. Одного дела о казни мало. Ей нужно знать, что пыталась сделать та женщина и почему считала, что имеет право отказаться.

В библиотеке Анна прошла к месту консультации старых изданий. Здесь были другой свет, другая тишина. Высокие деревянные шкафы, золочёные корешки, запах старой бумаги и переплётов. Она невольно замедлила шаг, словно боялась принести с собой слишком много уличного шума.

Хранительница внимательно выслушала её вопрос, посмотрела на выписанные латинские слова. Анна показала рисунок и объяснила, что ищет упоминания похожего знака в старых лотарингских текстах.

Снова пришлось обращаться к каталогам, уточнять названия, ждать.

Она сидела за столом и чувствовала, как ноет спина от напряжения. Хотелось откинуться, закрыть глаза хотя бы на минуту. Но стоило перестать смотреть на записи, как внимание тут же возвращалось к тому, что происходило вокруг.

Где-то рядом шуршала бумага.

Анна подняла голову. Никто не листал книгу в непосредственной близости от неё. Шорох будто доносился со стороны шкафов.

Лампа на столе потускнела, затем вспыхнула так ярко, что она зажмурилась.

Когда Анна открыла глаза, свет снова был обычным.

Она посмотрела на других читателей. Ни один не обернулся.

Показалось? Или только она это замечала?

Анна опустила взгляд к книге и сжала зубы. Пусть шуршат. Сейчас она никуда не уйдёт.

В трактате неизвестного алхимика лотарингского двора «De Animis Neutris» — «О нейтральных душах», датированном 1642 годом, — наконец нашлось знакомое сочетание слов.

Дальше говорилось о том, что автор называл Третьей природой.

Анна начала читать медленнее. Некоторые фразы оставались тёмными, другие она переводила по частям и записывала своими словами. Ей не хотелось обмануть себя, вытащив из непонятного текста только то, что совпадало с её догадкой.

Души, не вступившие в договор ни с одной иерархией, здесь именовались Animæ Indomitæ.

Неприрученные.

Это слово нравилось ей гораздо больше, чем «ничья».

Свет и Тьма в трактате выступали Двумя Жерновами. Автор писал о силах, которые перемалывают человеческую волю, обращая её в пищу для себя. Поклонение, страх, зависимость — названия менялись, но человек всякий раз оказывался внутри одного и того же механизма.

Анна вспомнила ночные статьи об эгрегорах. Здесь были другие слова, непривычные сравнения, однако общая мысль казалась похожей. Тот, кто отвергал власть обоих Жерновов, переставал подчиняться обычному порядку воздаяния.

Для их привычного порядка он становился слепым пятном. И одновременно — угрозой.

Анна отдельно отметила это выражение. Оно явно не означало, что такой человек делается невидимым: её преследователи находили дорогу и к квартире, и сюда. Скорее, речь шла о власти над ним. Во всяком случае, так она пока понимала прочитанное.

Анна остановилась, перечитала перевод.

Угрозой — почему? Потому что отказывался кормить их? Или потому что показывал другим, что так вообще можно?

Прямого ответа она пока не находила.

Зато дальше описывалась охота.

По утверждению автора, эти силы не могли напрямую уничтожить тело того, кто сохранял нейтралитет. Им требовалось согласие. В одном случае — уступка страху, в другом — добровольная просьба о спасении. Знаки, голоса и морок должны были вынудить человека самому открыть им доступ.

Анна провела пальцем по краю своей выписки, не касаясь старой страницы.

Травницу ведь казнили люди.

Эта мысль неприятно кольнула. Даже если запрет существовал, он вовсе не означал полной безопасности.

Она снова вернулась к строкам о страхе. Их легко было понять так, будто достаточно испугаться — и всё пропало. Но она уже боялась. Ночью едва не забилась под кровать. И всё-таки голоса продолжали требовать от неё какого-то ответа.

Возможно, дело было не в самом испуге, а в том, что человек соглашался сделать, лишь бы от него избавиться.

Анна поставила возле этой мысли вопросительный знак.

Проверять на себе разницу не хотелось. Но теперь хотя бы становилось понятнее, почему её то пугали, то предупреждали об опасности. Каждая сторона предлагала свой повод обратиться именно к ней.

Анна переписала нужные места, отдельно отметила непонятные обороты. Заодно сохранила короткий фрагмент о человеческом облике сущностей — к нему стоило вернуться позже. Затем закрыла блокнот.

Оставался самый насущный вопрос: как прекратить это прямо сейчас? Не выяснить устройство мироздания, не разрешить древний спор. Просто вернуться домой и провести там вечер, не ожидая чужого голоса из каждой тени.

Следующая часть поисков привела её в Городской архив Нанси на улице Анри-Базен.

К этому времени она устала настолько, что шаги пришлось снова замедлить. Но возвращаться без ответа было страшнее, чем продолжать путь.

В записях, которые Анна просматривала, встречались упоминания старых лечебниц и помещений при них. Теперь она искала связанные с ними бумаги: планы, частные заметки, описания закрытых комнат. Её интересовали не столько сами здания, сколько то, как люди прошлого обозначали границу, за которую не хотели пускать чужое влияние.

Она работала с описями, заказывала документы и уже почти перестала надеяться найти что-то полезное в этот же день, когда среди чертежей старых лечебниц ордена Святого Иоанна обнаружилась рукописная записка врача-оккультиста XVIII века.

Анна придвинула блокнот.

В отличие от пространных рассуждений алхимика, здесь автор переходил к действиям. Он описывал способ закрыть жилое пространство от внешних проекций — установить то, что Анна про себя назвала ментальным щитом.

Сначала следовало добиться внутреннего молчания. Не отвечать страхом на угрозы Тьмы, не искать спасения у Света. Анна записала на полях: «Эмоциональный вакуум».

Второе условие касалось границы самого помещения. Металл, соль, пепел и проточная вода — четыре материальные опоры для зеркального контура. Их соединяли с намерением замкнуть пространство и отразить направленное извне воздействие.

Третье требование она перечитала дважды.

Отказ от диалога.

Любое обращение к преследователям, любой мысленный спор с ними укреплял связь. Молчание и осознание собственной независимости должны были её ослабить.

Анна вспомнила, как сняла трубку и спросила: «Кто там?»

А потом часами мысленно отвечала обоим. Злилась, ругалась, доказывала, что никому ничего не обещала.

Если верить записке, всё это тоже было разговором.

Она перестала постукивать карандашом по столу. Медленно выдохнула и снова посмотрела на инструкцию. Ещё раз проверила перечень материалов, последовательность действий. Переписала несколько строк дословно, чтобы дома не подменить смысл собственными догадками.

В читальном зале резко похолодало.

Анна почувствовала, как по предплечьям пробежали мурашки.

На этот раз она не повернула головы.

Дописала последнюю фразу, закрыла папку и занялась документами, которые нужно было вернуть.

Когда она вышла из архива, на город уже опускались сумерки. Моросило. Свет фонарей расплывался во влажном воздухе, у прохожих блестели плечи пальто.

Домой Анна возвращалась с готовым порядком действий.

Не с гарантией, что всё получится. Этого никто ей не обещал. Но бессмысленные метания наконец сменились чем-то конкретным: найти нужные вещи, приготовить смесь, пройти по квартире, удержать внимание.

И не вступать в разговор.

Возле дома она зашла в супермаркет, купила три пачки крупной морской соли и бутылку негазированной воды. Пакет несла осторожно, стараясь не напрягать живот.

На своём этаже перед ковриком не остановилась. Достала ключ, открыла дверь и вошла.

В квартире было темно.

Анна задержалась в прихожей. Утром она оставила лампы включёнными.

Рука сама потянулась к выключателю, но она остановила себя. Не сейчас. Если начать выяснять, что снова произошло со светом, весь путь закончится там же, где начался: она будет стоять и ждать очередной выходки.

Анна закрыла замок, сняла пальто и прошла на кухню.

Давление чувствовалось сразу. В знакомом пространстве было трудно сделать свободный вдох. Хотелось сказать что-нибудь резкое, хотя бы тихо выругаться в их сторону.

Она промолчала.

Поставила покупки на стол, достала металлическую миску. Отвернула кран и дала воде немного стечь. В выписке было сказано о проточной воде; бутылку из магазина она оставила для питья, а в миску набрала свежую из-под крана.

Высыпала соль, размешала. Затем сожгла на плите бумажную салфетку и добавила щепотку пепла.

Металл. Соль. Вода. Пепел.

В тусклом свете из окна всё это выглядело довольно нелепо. Обычная кухонная миска с мутной жидкостью. Анна посмотрела на неё и вспомнила собственное раздражение при виде обещаний снять порчу яйцом.

Она понимала, как это выглядело бы со стороны.

Но сейчас у неё были найденная запись, её собственный дом и желание наконец остаться в нём одной. Она собиралась проверить конкретный способ защиты. Без призывания чужой силы и без просьб к кому-либо о покровительстве.

Анна оставила раскрытый блокнот на столе, взяла миску и подошла к дверному проёму.

Она не читала молитв, не повторяла заговоров из интернета, не расставляла свечей. Намочила пальцы, провела ими по косяку и попыталась представить за ним ровную зеркальную поверхность.

Моя территория. Моя воля. Входа нет.

Не слова, обращённые к тем двоим. Решение, которое касалось её самой.

Анна медленно прошла дальше. К окну на кухне, затем к следующему проёму. На дереве оставались мокрые следы, вода холодила пальцы. Она смотрела на движение своей руки и удерживала в голове одну и ту же границу.

Не спорить. Не доказывать. Не ждать ответа.

К тому времени, как она дошла до спальни, внутри стало немного тише.

И тогда начался штурм.

Справа, со стороны окна, ударил белый свет. Такой резкий, что заболели глаза. Стекло задрожало, тонко задребезжало в раме.

Анна застыла с приподнятой рукой.

Голос прозвучал прямо в голове:

«Ты закрываешь глаза перед бездной! Твоё гордое невежество погубит тебя! Прими защиту, пока тьма не сожрала твой разум!»

В нём уже не было спокойной уверенности, которую она помнила после операции. Приказ срывался на угрозу.

Анна прищурилась, глядя на раму. Ей хотелось отступить, закрыть лицо локтем, спросить, чего он добивается.

Вместо этого она опустила пальцы в миску и провела по дереву.

Зеркальная поверхность. Ровная. Замкнутая.

Свет мигнул.

Голос стал выше, резче — и внезапно оборвался. Окно потемнело. В воздухе остался запах озона.

Анна ещё не успела выдохнуть, когда слева, из дверного проёма, накатил тяжёлая волна.

Воздух словно перестал проходить в лёгкие. Запахло гнилью и горячей проводкой. Анна невольно зажала рот ладонью, едва не расплескав воду из миски.

Раздался смех.

Низкий, знакомый. Он будто звучал не в комнате, а где-то у неё под рёбрами.

«Кому ты ставишь стены, Анна? От себя не закроешься. Твоё тело уже гниёт изнутри после наркоза. Ты останешься одна в этой клетке... и сойдёшь с ума».

Её взгляд метнулся к животу.

Повязки. Боль, которая весь день напоминала о себе. Больничные коридоры, невозможность вспомнить, что происходило, пока она лежала без сознания.

Колени задрожали.

Врач сказал, что всё прошло хорошо. Но что, если он чего-то не заметил? Если эти двое видели то, чего не могли увидеть люди?

Анна прижала край миски к боку, чтобы удержать её.

Вот чего он добивается.

Зацепиться за боль, превратить её в доказательство угрозы. Заставить Анну вслушиваться в каждое ощущение и ждать, что тело действительно начнёт разрушаться.

Она попыталась вдохнуть медленнее.

Эмоциональный вакуум.

Страх был слишком сильным, чтобы просто выключить его по команде. Но она могла хотя бы не продолжать начатую за неё мысль. Не спорить с голосом. Не задавать ему вопросов.

Смотреть на дверной косяк.

Подойти.

Провести рукой.

Анна выпрямилась. Сделала шаг, затем ещё один. Намочила пальцы и протянула руку к дереву.

У самого проёма давление усилилось настолько, что захотелось согнуться. Она задержала дыхание, мазнула по косяку солёной водой и мысленно соединила эту черту с остальными.

Граница замкнулась.

Раздался треск, будто в тесной комнате с силой разорвали плотное полотно.

Анну качнуло назад. Она отступила, удерживая миску обеими руками. Несколько капель упали на пол.

В ушах одновременно взвыли два голоса — высокий, звенящий и низкий, рычащий. На мгновение они слились в такой скрежет, что Анна зажмурилась.

Потом всё оборвалось.

Она не сразу открыла глаза.

Стояла и слушала.

Ни слов. Ни смеха. Ни шороха, заставляющего оборачиваться.

Где-то в квартире негромко гудел холодильник.

Анна медленно вдохнула.

Воздух больше не пах ни гарью, ни гнилью. Перед ней был обычный дверной проём, на котором поблёскивали мокрые следы. За спиной — кровать, шкаф, окно. Всё то, что стояло здесь и вчера, и неделю назад.

Никто не дышал ей в затылок.

Анна повернула голову в одну сторону, затем в другую. Подождала, не вернётся ли холод. Ничего.

Она опустила на край кровати и поставила миску на пол. Только теперь заметила, как сильно устали руки.

Получилось?

Анна прислушалась ещё раз и впервые за всё это время смогла выдохнуть, не ожидая, что в тишине ей кто-нибудь ответит.

Щит сработал.

Она отрезала им доступ.

Глава 4

Резкий звонок в дверь заставил Анну вздрогнуть всем телом. Она дёрнулась на кровати, и живот тут же отозвался тянущей болью. Пальцы вцепились в край покрывала.

Неужели снова?

Миска стояла у её ног. На полу темнели капли солёной воды. Только что здесь было тихо, по-настоящему тихо, впервые за последние сутки. Анна успела поверить, что всё закончилось.

Звонок повторился.

Она медленно встала, обошла миску и направилась в прихожую. Прислушалась у двери, затем осторожно посмотрела в глазок.

На площадке стояла Наташа. В расстёгнутом пальто, с шарфом набок и телефоном в руке. Сердито переминалась с ноги на ногу, явно собираясь нажать на кнопку ещё раз.

Анна выдохнула так шумно, что сама услышала, как дрогнул воздух у губ.

Наташа. Живая, знакомая, совершенно настоящая.

Она провернула замок и открыла дверь.

— Ты издеваешься?! — Подруга шагнула в прихожую, не успев поздороваться. — Я тебе звоню-звоню, ты вообще трубку не берёшь! Уже подумала, что тебе после выписки плохо стало. Чуть скорую сюда не вызвала! Ты где пропала?

Анна посмотрела на телефон в её руке, потом на свою сумку возле стены. В архиве она убрала звук и с тех пор почти не проверяла вызовы.

— Я...

— Почему у тебя темно?

Наташа сама нащупала выключатель. В прихожей зажёгся свет.

Она сняла туфли, сделала несколько шагов по коридору и остановилась. Посмотрела на разводы на дверном косяке, заглянула в спальню. Оттуда была видна металлическая миска с мутной водой и пеплом.

— Что это?

Анна не ответила.

Наташа обернулась и теперь уже внимательнее оглядела её: растрепавшиеся волосы, свитер, в котором она проходила весь день, мокрые пальцы. Анна провела ладонью по щеке и вдруг поняла, какой вид у неё должен быть.

— Ну ты, мать, даёшь... — Голос подруги изменился. — Что с тобой стряслось? Ты тут обряд экзорцизма проводишь, что ли?

Анну прорвало.

Она потянула Наташу на кухню, включила там свет, придвинула лежавшие на столе архивные выписки и заговорила — быстро, сбивчиво, перескакивая с одного на другое. Сначала про странный разговор с самой собой перед операцией. Потом про два силуэта и вопросы, которые ей задали. Про слова о том, что её не могут забрать. Про незнакомцев у больницы, надписи на экране, ночной звонок и обжигающую трубку.

Она показала блокнот. Рассказала, куда ходила сегодня и что нашла. Наконец добралась до того, что произошло всего несколько минут назад, здесь, в спальне.

Наташа стояла, опершись о столешницу, и не перебивала.

Но по мере рассказа её лицо менялось. Первое недовольство исчезло, брови поползли вверх, взгляд стал тревожным. Анне слишком хорошо было знакомо это выражение: так смотрят на человека, с которым явно что-то не так, но пока непонятно, насколько всё серьёзно.

Анна замолчала.

Дышала она часто, будто только что поднялась по лестнице.

Наташа несколько секунд смотрела на неё, затем сняла пальто, повесила на спинку стула и осторожно сказала:

— Так. Давай я сейчас поставлю чайник. А ты сядь. Тебе нужно поесть и поспать.

Эта нарочитая мягкость задела сильнее, чем открытое недоверие.

— Ты думаешь, я с ума сошла?

— Я думаю, что ты после операции, не спала и целый день где-то бегала.

— По архивам я ходила. Не просто бегала!

Наташа потянулась к чайнику.

— Подожди, — Анна положила ладонь на край стола. — Ты сама не раз говорила, что в этом мире что-то есть. Что за пределами нашей обычной физики существует нечто большее, просто мы не знаем, как это правильно назвать. Я тебе сейчас не бабушкины сказки пересказываю. Я объясняю, с чем столкнулась нос к носу.

Подруга замерла с кружкой в руке.

— Если бы всё ограничилось видением под наркозом, я бы плюнула и жила дальше. Раскладывала бы свои карты Таро раз в месяц под настроение, как раньше. Но здесь творится совершенно реальная, осязаемая хрень! Стакан разбился. Трубка раскалилась у меня в руке. Я не могу сделать вид, что ничего не было.

Наташа перевела взгляд на записи.

Анна ждала.

Она любила подругу не только за то, что та могла среди вечера примчаться без приглашения и устроить разнос за пропущенные звонки. Наташа умела думать. За её вспыльчивостью, привычкой шуметь и заводиться с пол-оборота скрывался ум, на который Анна привыкла полагаться.

Красивая брюнетка с выразительными, точёными чертами, Наташа могла сначала высказать всё, что у неё накопилось, а потом сесть и спокойно разобрать ситуацию. Увидеть последствия там, где другие замечали только ближайшую неприятность. Задать один вопрос — и обнаружить дыру в рассуждениях, которые до этого казались безупречными.

Сейчас Анне отчаянно хотелось, чтобы она сделала именно это.

Пусть спорит. Пусть ищет нестыковки. Только не смотрит на неё с жалостью и не предлагает забыть всё после чашки чая.

Наташа поставила кружку. Придвинула стул, села напротив и подтянула к себе край блокнота.

— Ладно. Допустим, я принимаю твою версию как рабочую. Давай по порядку. Что конкретно они от тебя хотят и чем могут на тебя давить?

Анна опустила на стул.

— Насколько я понимаю... я вообще не должна была вернуться из-под того наркоза. Они собирались меня забрать. А я им ответила не так, как они ожидали, и всё сбила.

— Врач говорил, что во время операции были осложнения?

— Нет. Сказал, что всё прошло хорошо.

— Значит, пока мы знаем только то, что ты услышала от этих двоих. А про то, что должна была умереть, ты уже сама додумала?

Анна помолчала.

— Да. Но как ещё понимать «не можем её забрать»?

— Вот это и нужно выяснить. Дальше.

Анна нервно провела ладонью по столу.

— Получается, они считают, что я их обманула. Что-то нарушила. Только в чём обман? Они спросили: верю ли я во тьму, верю ли во Всевышнего. Я ответила правду. Ни в чёрта, ни в церковного Бога я не верю. Мне ближе мироздание, первородные потоки энергии, законы

Вселенной, эзотерика. Я вообще иначе на это смотрю. Почему должна выбирать из их двух вариантов?

Наташа слушала, постукивая пальцем по краю стола. Потом посмотрела на Анну с прищуром.

— А теперь сама включи голову. Ты говоришь: «Я верю в эзотерику». Но это же не одна готовая вера с единственным набором правил. Там полно течений, и во многих есть сущности высшего и низшего порядка, хранители, иерархии, противоположные силы. Ты сама мне о таком рассказывала.

Анна нахмурилась.

— Рассказывала.

— Вот. То, что ты называешь потоками мироздания, для них вполне может быть родной средой. Другие названия ещё не означают другой мир. Возможно, ты не вышла из их системы, Ань. Ты просто отказалась в ней подчиняться.

Наташа подвинула блокнот ближе.

— И если им важно именно согласие, как здесь написано, то дело не в том, какими словами ты называешь Свет и Тьму. Они ждали, что ты признаешь чьё-то право на себя. А ты не признала.

Анна посмотрела на свою выписку о Двух Жерновах.

— То есть я их не обманула.

— По твоему рассказу — нет. Но могла отказать в том, что они привыкли получать. Ты видишь разницу?

Она видела. И от этого многое становилось понятнее, хотя легче не было.

Если всё держалось на её выборе, то назвать тех двоих чужими именами и отвернуться было недостаточно. Они уже знали, где она живёт. Уже приходили. И только что пытались заставить её передумать.

— Мда... И что мне теперь со всем этим добром делать? — Анна спрятала лицо в ладонях. Щёки горели. — Не могу же я до конца жизни сидеть в квартире, обмазавшись солью, и вздрагивать от каждой лампочки. Выход должен быть. В любой системе есть брешь.

Когда она снова подняла голову, запала почти не осталось.

Пока была одна, приходилось что-то делать: искать, идти, защищаться. Теперь рядом сидела Наташа, и держаться с прежним упрямством вдруг стало трудно.

— Ты останешься сегодня? — тихо спросила Анна. — Переночуешь со мной? Мне, честно, жутко. Если ещё раз начнётся, я одна здесь просто поеду крышей.

Наташа ответила сразу:

— Конечно останусь. Даже не обсуждается.

Она встала, налила воду в чайник и включила его.

— Сейчас напьюсь чая, поедим. Потом я заберу у тебя ноутбук к чёртовой матери, и мы ляжем спать. А завтра с утра, на свежую голову, сядем с блокнотом и посмотрим, что у тебя есть. По пунктам. Без ночных подвигов.

Анна молча кивнула.

— Ты ведь уже нашла, что не первая с этим столкнулась, — добавила Наташа, опираясь о столешницу. — Люди пытались держать нейтралитет задолго до тебя. Значит, будем искать, что у них получалось. Как послать этих двоих по известному адресу, не выходя из собственного тела.

Анна невольно усмехнулась.

Чай они пили почти в молчании. Наташа нашла на кухне что-то подходящее для лёгкого ужина, поставила перед Анной тарелку и проследила, чтобы та хотя бы немного поела. Затем занялась телефоном: быстро напечатала несколько сообщений, помолчала над ответом, отправила ещё одно.

Анна не спрашивала, какие планы пришлось отменить из-за неё. Сил на это уже не было. Она смотрела на пар над кружкой и чувствовала, как усталость наконец берёт своё.

Перед сном Анна убрала миску с пола, чтобы ночью не задеть её ногой. Поставила в стороне. Разводы на косяках оставила как были: трогать их сейчас не хотелось.

Они расстелили постель. Анна переоделась, осторожно легла у стены, а Наташа устроилась с краю. Свет в прихожей и на кухне решили не выключать. Через приоткрытую дверь на пол спальни падала узкая полоса.

Некоторое время Анна смотрела на неё.

Рядом шуршало одеяло, Наташа устраивалась поудобнее. Обычный, человеческий звук. Анна закрыла глаза и почти сразу провалилась в сон.

Сначала вокруг была темнота.

Потом под босыми ногами появился холодный камень. Анна стояла посреди огромного зала, границы которого терялись в сумраке. Ни стен, ни потолка она не различала, но собственное дыхание возвращалось к ней слабым эхом.

Она посмотрела вниз, на ступни, и медленно подняла голову.

Это не её спальня.

Справа сумрак начал светлеть. В воздухе разлилось мягкое золотистое сияние, и из него выступила высокая фигура.

На этот раз свет не резал глаза. Он был тёплым, почти осязаемым. Пахло ладаном и мёдом.

Фигура остановилась в нескольких шагах и протянула руку.

— Зачем ты борешься, Анна?

Голос она узнала. Но теперь в нём не было ни приказа, ни угрозы. Он звучал мягко, успокаивающе, и с каждым словом становилось легче стоять.

— Ты устала. Ты вымотана. Отдай мне свои тревоги. В моём свете нет ни боли, ни сомнений. Я дам тебе благодать, исцеление и покой, которого ты так жаждешь. Тебе больше не придётся обороняться. Просто склони голову и прими защиту Высшего закона.

Анна перестала чувствовать боль в животе.

Исчезло напряжение в плечах, отступила тяжесть бессонной ночи. Ей показалось, что достаточно подойти — и больше не нужно будет ни в чём разбираться. Никого караулить, никому доказывать, что она не сошла с ума. Можно просто закрыть глаза и позволить кому-то другому обо всём позаботиться.

Она смотрела на протянутую руку.

Как же хотелось покоя.

Слева раздался сухой насмешливый хлопок.

Из сумрака проступила вторая фигура. Тьма сгущалась вокруг неё, словно оседал пепел. Потянуло озоном, как перед грозой.

— Покой? Благодать?

Низкий голос отозвался вибрацией под рёбрами.

— Он предлагает тебе стать покорной овцой в его вечном скучном стаде. Стереть свою личность ради иллюзии безопасности. Разве этого ты искала, когда пыталась понять законы мироздания?

Анна повернулась к нему.

Лица она по-прежнему не видела, но ощущала направленный на неё взгляд. Внимательный, острый, будто он знал, за какой вопрос зацепиться.

— Ты умна, Анна. Ты видишь то, что скрыто от большинства. Я не прошу тебя пресмыкаться. Я предлагаю ключи. Знания древних, истинное управление потоками. Власть, перед которой твои любимые эзотерики покажутся слепыми детьми. Ты сможешь видеть устройство мира насквозь. Просто протяни руку... и возьми то, чего достойна.

Анна замерла между ними.

Справа обещали избавить от тревоги. Слева — дать ответы на всё, о чём она когда-либо думала. Понять собственные сны, странные совпадения, то чувство невидимой перегородки, с которым она прожила столько лет.

И узнать наконец, что произошло в операционной.

Оба предложения попадали слишком точно.

Она чувствовала, как её тянет то в одну сторону, то в другую. Будто внутри натягивались нити, заставляя податься навстречу. Нужно всего полшага. Самую малость. После этого ожидания закончится.

Анна уже перенесла вес на переднюю часть ступни, когда зацепилась за одну мысль.

Почему они всё ещё ждут?

Вопрос был простым, почти бытовым. Но именно он вернул ей способность рассуждать.

Если всё, что ей предлагают, так легко дать, зачем столько уговоров?

Она выпрямилась, скрестила руки на груди и посмотрела сначала на свет, потом на тёмную фигуру.

— Красиво поёте.

Её голос прозвучал неожиданно чётко.

— Прямо классика маркетинга. Один продаёт вечный санаторий, второй — элитный доступ в закрытый клуб.

Золотистое сияние дрогнуло. Тёмный силуэт чуть повернул голову, словно заинтересовался.

Анна чувствовала себя иначе, чем вечером в спальне. Там приходилось заставлять себя сделать каждый шаг. Здесь слова находились сами, а страх, который должен был мешать говорить, почему-то не появлялся.

— Только у меня к вам обоим один простой вопрос.

Она сделала шаг вперёд, оставаясь посередине между ними.

— Вы говорите о высшем законе, о власти, о знании устройства мира. Ведёте себя так, будто вам всё подвластно. Но если вы настолько самодостаточны и велики, почему оба топчетесь возле человека, который просто перенёс операцию? Зачем вам так отчаянно нужно моё согласие?

Ни один не ответил.

Анна повернулась к Светлому.

— Если твоя благодать абсолютна, почему она не работает без моего подчинения? Зачем всесильному Богу моя покорность — как налог?

Затем посмотрела на Тёмного.

— А если твои знания дают истинную власть, почему ты сам зависишь от чужих контрактов? Кому на самом деле нужна эта сила — мне или тебе, чтобы через меня жрать энергию этого мира?

Слова из прочитанных текстов складывались в вопросы без усилия. Анна не успевала задумываться над каждым, но понимала, чего хочет: чтобы они объяснили цену своих предложений.

Вместо ответа тепло справа стало колким. Свет побледнел, словно из него вымыли золото.

— Ты дерзишь закону, который держит этот мир, — произнёс Светлый. — Без высшей воли ты — просто пыль, открытая для любого удара.

— А без моей воли ты — просто пустой свет без источника питания, — отрезала Анна.

Она не знала наверняка, права ли. Но он снова угрожал вместо того, чтобы ответить.

Слева раздалось глухое рычание. Вокруг Тёмного закружились чёрные хлопья.

— Гордыня... Ты думаешь, что стоишь выше обеих систем? Одиночки здесь не выживают. Тебя разорвёт на куски в первой же астральной воронке.

— Может, и разорвёт, — сказала Анна, глядя в темноту его лица. — Но это будет мой выбор и моя ответственность. Я не собираюсь становиться вашей кормушкой. Не беру ваши подачки. Моя энергия остаётся со мной.

Она сжала кулаки.

Перед глазами возникла зеркальная поверхность — та, которую вечером с таким трудом представляла, проводя мокрыми пальцами по косякам. Только теперь не понадобилось ни миски, ни солёной воды. Анна просто знала, как удержать эту границу во сне.

Гладкая стена отразила и золото, и клубящийся пепел.

Обе фигуры придвинулись. Анна не отступила.

Поверхность стала плотнее, и пространство за ней вдруг пошло трещинами. Силуэты смазались, словно краска под струёй воды. Голоса слились в далёкий яростный гул.

Анну резко потянуло назад.

Она распахнула глаза и шумно втянула воздух.

Спальня.

Шторы, шкаф, знакомый край подушки. Сквозь щель между занавесками пробивался бледный утренний свет.

Рядом, свернувшись под одеялом, спала Наташа.

Анна некоторое время лежала неподвижно. Прислушивалась к её дыханию, к звукам со двора. В комнате было прохладно, но обычной утренней прохладой. Ни запаха озона, ни тяжёлого ощущения за спиной.

Она медленно разжала пальцы.

Голова была ясной. Удивительно ясной после всего, что происходило во сне.

Анна осторожно приподнялась на локте и посмотрела на дверной проём. На косяке ещё виднелись подсохшие разводы. Миска стояла там, куда она переставила её перед сном.

В квартире ничего не изменилось.

Но те двое всё равно пришли.

Она тихонько тронула Наташу за плечо.

Подруга сонно моргнула, не сразу сфокусировала взгляд, затем резко приподнялась.

— Что? Опять они?

— Сейчас всё тихо. — Анна села, поправляя одеяло. — Но они приходили во сне. Оба. Наташа потёрла лицо ладонями.

— Подожди. Дай проснуться.

Анна подождала, пока та устроится у изголовья, и начала рассказывать. Про зал без стен, тёплый свет, обещание покоя. Про Тёмного и знания, которые он предлагал. Но сильнее всего ей хотелось объяснить собственное поведение.

— Понимаешь, я вообще не испугалась. Меня к ним тянуло, да. Очень. Только потом я вдруг подумала: если вы такие всемогущие, какого чёрта от меня не отлипаете? И спросила вслух.

Наташа слушала, хмурясь.

— А дальше я им дерзила в открытую. Как будто мы на кухне спорим, а не чёрт знает где находимся. И прямо во сне знала, как выставить зеркальный щит. Вечером я его по кускам в голове собирала, всё время боялась сбиться. А там — будто всю жизнь этим занималась.

— Ты их выставила?

— Да. После этого проснулась.

Наташа перевела взгляд на дверь, затем снова на Анну.

— А вчера ты говорила, что закрыла им доступ.

— Здесь я их больше не чувствую. С тех пор, как закончила контур. Но это было во сне...

Анна замолчала. Ей и самой не нравилось, как мало она могла объяснить.

— Значит, пока не будем считать, что всё закончилось, — сказала Наташа. — В квартире стало спокойно, это одно. Что было ночью и почему они смогли там появиться — другое. Мы ещё не знаем, одинаково ли всё это работает.

Анна кивнула.

— И я с ними разговаривала, хотя в записке было сказано не вступать в диалог. А потом всё равно смогла отгородиться. Значит, или я не всё правильно поняла, или там есть условия, о которых мы пока не знаем.

— Вот именно. Запишем это отдельно. Не будем считать, что одна удачная попытка объясняет вообще всё.

Подруга помолчала, потом добавила:

— И меня настораживает твоя уверенность. Не то, что ты отбилась, — это хорошо. А то, как легко у тебя всё получилось. Вчера ты едва держалась, а во сне с ними на равных базаришь. Может, в тебе проснулось что-то, о чём ты сама не знаешь. А может, они проверяют тебя с другого захода. Сначала давили страхом, потом обещаниями. Кто знает, что у них дальше.

Анна посмотрела на свои руки.

Ещё несколько минут назад ясность в голове казалась доказательством победы. Теперь рядом с ней снова возник вопрос. Откуда взялось это умение? Из того, что она прочла? Из разговора с самой собой под наркозом? Или она просто слишком многое принимает за чистую монету, потому что устала бояться?

Ответа пока не было.

Наташа откинула одеяло и спустила ноги на пол.

— Так. Философию оставим на потом. У меня от твоих хроник голова гудит. Собирайся, выйдем на свежий воздух. Нам обеим нужен завтрак, нормальный кофе и хотя бы полчаса без этих двоих.

Она оглянулась через плечо:

— И что-нибудь свежее из булочной. А то мы с тобой скоро сами начнём питаться одним страхом.

Анна тихо рассмеялась и осторожно поднялась с кровати.

За окном начиналось утро. Впервые за последние дни ей захотелось выйти из дома не потому, что оставаться в нём было страшно.

Просто пройтись рядом с подругой. Посидеть за столиком у окна. Послушать обычные разговоры.

Хотя бы полчаса.

Глава 5

Они привели себя в порядок, накинули пальто и вышли из квартиры. Анна заперла дверь, проверила, положила ли ключи в сумку, и пошла вслед за Наташей по лестнице.

Спускалась осторожно. После сна голова была ясной, но тело ещё напоминало об операции. Стоило неловко повернуться, и живот начинало тянуть.

Наташа заметила, что она отстаёт, и замедлила шаг.

— Далеко не пойдём. В булочную на углу и обратно.

Утро в Нанси выдалось свежим. Пахло мокрой листвой, от открытых дверей пекарен тянуло тёплой выпечкой. По тротуарам спешили люди, у остановки кто-то спорил по телефону, из проехавшей машины донеслась музыка.

Анна с облегчением вслушивалась в эти звуки.

В ближайшей *boulangerie* оказалосьлюдно, но столик у окна ещё был свободен. Они заказали капучино и свежие бриоши. Пока Наташа уточняла заказ, Анна сняла шарф, аккуратно повесила пальто на спинку стула и села так, чтобы ничего не давило на живот.

Перед ней поставили большую чашку. Она поднесла её к лицу, вдохнула запах кофе и сделала маленький глоток. Бриошь пока оставила на тарелке: аппетит проснулся, но набрасываться на еду не хотелось.

Наташа устроилась напротив.

— Ну? Уже лучше, чем сидеть дома?

— Пока да.

Анна посмотрела в окно. У пешеходного перехода женщина поправляла ребёнку капюшон. Мужчина с бумажным пакетом придержал дверь пожилой даме. Никто не оглядывался в поисках теней, не строил защитных контуров и не требовал от неё выбирать сторону.

Ей хотелось хотя бы ненадолго присоединиться к этим людям.

Она отломилала небольшой кусочек бриоши и улыбнулась какому-то замечанию Наташи.

И тут подруга посмотрела поверх её плеча.

Выражение лица у неё изменилось: брови чуть приподнялись, улыбка стала заинтересованной.

Анна обернулась.

От стойки к их столику шли двое мужчин.

Высокие настолько, что даже среди стоявших в очереди людей сразу бросались в глаза. Оба — под два метра, широкоплечие, с той свободой движений, которая редко встречается у мужчин такого роста. Ни сутулости, ни попытки сделаться меньше в тесном помещении.

Первый был светловолосым. Чуть небрежная укладка, открытое лицо, спокойный взгляд ясных голубых глаз. Его красота казалась почти слишком правильной, но лёгкая улыбка делала лицо живым.

Второй — брюнет, аккуратно подстриженный, с ухоженной бородой и хищным профилем. Тёмные глаза издали выглядели совсем чёрными. Он смотрел с такой уверенной насмешкой, будто ещё до начала разговора знал, чем сумеет их заинтересовать.

Анна почувствовала короткий, неприятный укол под рёбрами.

Светлый. Тёмный.

После этой ночи она, наверное, увидела бы намёк даже в двух чашках разного цвета. И всё же совпадение заставило её выпрямиться.

— *Bonjour, mesdames*, — произнёс брюнет по-французски. — Не возражаете, если мы составим вам компанию? Все остальные места у окон, увы, заняты.

Анна на секунду замялась.

Голос был низким, приятным. Что-то в нём напоминало ночной рокот, но здесь он звучал иначе — среди разговоров, стука посуды, шипения кофемашины. Обычный мужской голос. Можно ли вообще сравнивать его с тем, что слышишь во сне или прямо у себя в голове?

Пока она пыталась разобраться в собственном ощущении, Наташа расправила плечи, поправила тёмные локоны и улыбнулась:

— *Vien s'ÿt*. Присаживайтесь. Хорошей компании мы не против.

Мужчины отодвинули свободные стулья и сели рядом с ними за столик.

Наташе было сорок два, Анне — сорок. Обе свободные, обе давно привыкли обходиться без мужского общества. Подруга называла это «засиделись в девках» и произносила с такой насмешкой, что Анна всякий раз смеялась.

Сейчас смеяться не хотелось. Но и сделать вид, что эти двое её совершенно не заинтересовали, было бы трудно.

Анна подняла чашку, решив пока просто слушать.

Светловолосый посмотрел прямо на неё и мягко улыбнулся.

— Прекрасное утро для кофе, правда, Анна?

Она застыла с чашкой у губ.

Вот теперь стало совсем не смешно.

— Я, по-моему, ещё не представлялась.

Анна медленно поставила чашку на блюдце. Руку не убрала, продолжая держаться за ручку.

Незнакомец не смутился.

— Прошу прощения за неловкость. У стойки я услышал, как ваша подруга окликнула вас по имени. Вы как раз выбирали бриоши. У меня хорошая память на имена.

Объяснение прозвучало легко, без малейшей запинки.

Наташа действительно обращалась к ней у прилавка. Кажется. Анна попыталась вспомнить точную фразу и не смогла: тогда она думала только о том, чтобы сесть.

Значит, всё могло быть именно так.

Но пальцы она разжала не сразу.

— Тогда давайте знакомиться официально, — сказала Анна. — Я Анна. А это Натали.

Во Франции подруга нередко представлялась именно так. Для Анны она по-прежнему оставалась Наташей, но сейчас объяснять эту привычку было незачем.

— А вас как зовут, господа?

Мужчины на мгновение переглянулись.

Светловолосый чуть склонил голову:

— Габриэль. Для друзей можно просто Габри.

Брюнет усмехнулся:

— А я Люциан.

— Габриэль и Люциан... — Наташа произнесла имена медленно, с явным удовольствием. — Звучит очень кинематографично. Вы коллеги или старые друзья?

— Скорее давние партнёры по вечным спорам, — ответил Люциан. — Никак не решим, на чьей стороне правда.

Габриэль посмотрел на него с терпеливой улыбкой.

Анна проследила за этим обменом взглядами. Между ними чувствовалась привычка друг к другу: один ещё не договорил, а второй уже понимал, куда он клонит. Но назвать их безоговорочно дружелюбными она бы не решилась.

Подошедшему сотруднику мужчины назвали свой заказ. На столе появились ещё две чашки и графин воды.

Разговор завязался быстро.

Наташа была в своей стихии. Смеялась над замечаниями Люциана о французских порядках, задавала вопросы, охотно отвечала на встречные. Габриэль слушал её так внимательно, что подруга, обычно перебивавшая собеседников, несколько раз сама замолкала, ожидая его реплики.

Они умели общаться. Не говорили одновременно, не тянули каждый фразу на себя, подхватывали шутки. Люциан придвинул Наташе салфетки раньше, чем она успела попросить. Габриэль заметил, что Анне неудобно дотягиваться до воды, и поставил графин ближе.

От этого обычного внимания хотелось расслабиться.

Анна ловила себя на том, что смотрит на руки мужчин. На широкие ладони Габриэля, на длинные пальцы Люциана, державшие маленькую чашку эспresso. Потом поднимала глаза и обнаруживала, что кто-то из них уже смотрит на неё.

— Вы, наверное, в спорте работаете? Или в модельном бизнесе? — спросила Наташа, откровенно оглядев их плечи. — С такими данными в обычном офисе сидеть просто грех.

Габриэль негромко рассмеялся.

— Скажем так, Натали, работа разъездная. Консультации, решение затяжных споров. Стараемся наводить порядок там, где люди сами не справляются.

— Скорее Габри пытается всех подогнать под свои идеальные стандарты, — заметил Люциан, поворачивая чашку в пальцах. — Я больше по кризисному менеджменту. Помогаю тем, кто запутался, взглянуть на вещи без лишних иллюзий и взять то, что причитается.

— То есть один мирит, второй подливает масла в огонь? — уточнила Наташа.

— Иногда огонь полезнее затянувшихся переговоров.

— Только если потом есть кому его потушить, — спокойно добавил Габриэль.

Наташа рассмеялась.

Анна улыбнулась вместе с ней, но слова о порядке и праве взять своё застряли в памяти. По отдельности — ничего особенного. Двое мужчин шутят о работе. Однако рядом с ночными обещаниями эти фразы звучали совсем иначе.

Она сделала ещё маленький глоток кофе.

«Не начинай. Иначе сейчас договоришься до того, что вся пекарня работает на потусторонние силы».

Ей хотелось поверить в случайное знакомство. Более того — мужчины ей нравились. Оба, хоть и совершенно по-разному.

Рядом с Габриэлем становилось спокойнее. Он не торопил, не требовал немедленно отвечать, умел выдержать паузу. Когда Анна замолчала посреди фразы, подбирая французское слово, он терпеливо дождался и только потом продолжил разговор.

Люциан действовал иначе. Его взгляд задерживался на ней чуть дольше, чем принято при первом знакомстве. В усмешке чувствовался вызов. Хотелось ответить так, чтобы этот самоуверенный мужчина хотя бы на секунду потерял готовую реплику.

Анна поймала себя на этом желании и мысленно выругалась.

После всего, что произошло, ей только флирта и не хватало.

Наташа под столом легонько коснулась носком её ноги. Пока мужчины отвлеклись на подошедшего сотрудника пекарни, подруга выразительно округлила глаза и беззвучно произнесла:

«Они оба с тебя глаз не сводят».

Анна покачала головой, пряча улыбку за чашкой.

Габриэль повернулся к ней как раз в этот момент.

— Вы сегодня никуда не торопитесь?

— Я пока на больничном, — ответила она. — Решили немного пройтись. После нескольких тяжёлых дней хотелось сменить обстановку.

— Тогда берегите силы, — мягко сказал он и подлил ей воды. — Иногда самое полезное — позволить себе остановиться.

— Главное, чтобы это не вошло в привычку, — заметил Люциан. — Правила особенно любят те, кто боится собственной силы.

Анна подняла на него глаза.

— А я думала, правила нужны ещё и для того, чтобы люди не мешали друг другу жить. В его взгляде мелькнуло весёлое оживление.

— Разумное уточнение.

— Стараюсь.

Люциан усмехнулся, и по спине у неё пробежал короткий озноб. Совсем не тот, что она чувствовала ночью в пустой квартире. Этот хотелось продлить — и именно поэтому он настаивал.

Чашки постепенно опустели. За окном стало светлее, очередь у стойки поредела. Разговор оказался длиннее, чем Анна собиралась себе позволить, но Наташа явно не спешила его заканчивать.

Габриэль отставил блюдце.

— У нас сегодня довольно свободный вечер. Было бы жаль ограничиться одним кофе. Как вы смотрите на то, чтобы собраться всем вместе часов в семь? Где-нибудь в центре, в спокойном ресторане.

— Отличная мысль, — поддержал Люциан. — На площади Сен-Эвр есть несколько подходящих мест. Хорошая кухня, можно поговорить без шума.

Анна сразу покачала головой.

— Спасибо за приглашение, но я, наверное, пас. Сейчас не в той форме, чтобы гулять по вечерам...

Под столом ей прилетело по щиколотке.

Анна поперхнулась воздухом и уставилась на подругу.

— Она просто скромничает! — сияя, объявила Наташа. — Мы с удовольствием придём. Приятная компания нам как раз нужна. Семь вечера на Сен-Эвр — прекрасно.

Она бросила на Анну такой взгляд, что та почти услышала: «Только попробуй всё испортить».

— Если к вечеру буду нормально себя чувствовать, — сухо уточнила Анна, не отводя глаз от подруги.

— Разумеется, — сразу ответил Габриэль. — Здоровье прежде всего.

Люциан смотрел на неё с лёгкой усмешкой. Увидел он пинок или просто понял, что происходит, — Анна не знала.

Они обменялись номерами. Габриэль поднялся первым и подошёл к стойке. Когда Наташа попыталась возразить, он вернулся с известием, что счёт уже оплачен, в том числе их завтрак.

— Вы нас балуете, — сказала подруга.

— Пока только кофе, — отозвался Люциан.

Мужчины попрощались и вышли на улицу.

Анна дождалась, когда за ними закроется дверь, наклонилась и потёрла щиколотку.

— Наташ, ты в своём уме вообще?

— Что?

— Не делай невинные глаза. Больно же!

— Прости. Не рассчитала.

Наташа выглядела довольной и раскаивалась явно меньше, чем следовало.

— Ты не забыла, что меня три дня назад оперировали? — зашипела Анна. — У меня четыре дырки в животе, я ещё обезболивающее принимаю и остальные назначенные лекарства.

Мне не до вина и многочасовых ужинов. Я пока даже ем понемногу и выбираю, что полегче. Куда ты меня тащишь?

— На ужин рядом с домом, а не в поход по горам. Закажешь чай или воду, выберем тебе что-нибудь подходящее. Никто не собирается заливать тебя вином.

— И вообще я сама могу ответить на приглашение.

Наташа чуть склонила голову.

— Можешь. Тут я погорячилась. Просто ты сейчас откажешься от всего подряд и снова сядешь дома выискивать чертей по углам. Тебе нужно переключиться, Ань. Мы сто лет никуда нормально не выбирались.

Она придвинулась ближе и понизила голос:

— И ты видела, какие экземпляры? Два метра чистой породы. Манеры, мозги, чувство юмора. Я уже почти забыла, что с мужчиной можно просто интересно поговорить.

— Видела.

Анна посмотрела на дверь.

— Вот именно это меня и смущает.

Наташа перестала улыбаться.

— В смысле?

— Один светлый, второй тёмный. Оба появляются ровно после того сна. Один про порядок, другой про силу. И имя моё он сразу назвал.

Подруга несколько секунд молчала.

— Я действительно звала тебя у стойки, — сказала она наконец. — Это он мог услышать. А всё остальное... Ань, ты же говорила, что лиц не видела. Мы пока не знаем, есть ли между ними какая-то связь.

— Не знаем.

— Но я тебя услышала. Будем смотреть. Вместе. — Наташа положила ладонь на стол рядом с её рукой. — Если тебе к вечеру будет плохо или ты передумаеть, отменим. Без уговоров. Я серьёзно.

Анна кивнула.

Отменять прямо сейчас ей не хотелось. Это злило едва ли не сильнее самого приглашения.

Наташа допила кофе и снова улыбнулась, уже мягче:

— А пока пойдём домой. Ты отдохнёшь, я перестану пинать тебя под столом. Постараюсь хотя бы до вечера.

— Очень щедро с твоей стороны.

К полудню они вернулись в квартиру.

Наташа сразу заняла ванную, приводя себя в порядок, а Анна сняла пальто и прошла в комнату. За окнами шумел город. В квартире оставалось тихо; знакомого давления она не чувствовала.

И всё же утренний разговор не выходил из головы.

Хотелось просто выдохнуть и признать: обычные мужчины, приятное знакомство. Не всё же должно быть связано с тем, что ей привиделось под наркозом.

Но слишком многое совпадало.

Анна подошла к столу, открыла блокнот с выписками из Библиотеки Станисласа и нашла переведённый фрагмент из трактата «De Animis Neutris», который вчера оставила на потом.

«Сущности не приходят в наш мир в грохоте и пламени — земная материя отвергает их прямое проявление. Они принимают человеческий облик, перенимая лучшее из видимой природы. Один несёт искушение покоем и порядком, второй — страстью и силой. Но помни: их природа не меняется от смены оболочки».

Анна медленно опустилась на стул.

Габриэль с его открытым лицом и мягкой заботой. Люциан с насмешкой, чёрными глазами и словами о силе. Две противоположности, которые умели разговаривать так, что хотелось забыть обо всём остальном.

Она вернулась к началу фрагмента. Человеческий облик.

Если это действительно они, внешний вид ничего не доказывает. Ни тепло ладоней, ни чашка кофе, ни безупречные манеры.

А если нет — она сейчас подозревает двух случайных людей только потому, что один блондин, а второй брюнет и оба ей понравились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.